

«АФГАНСКИЙ ВОПРОС» И ЕГО РЕШЕНИЕ В АНГЛО-РУССКОЙ КОНВЕНЦИИ 1907 ГОДА

*Работа представлена кафедрой новой и новейшей истории
Владимирского государственного педагогического университета.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Д. А. Макеев*

В статье анализируются англо-русские переговоры по Афганистану 1907 г. и их результаты. Значительное внимание уделяется рассмотрению дискуссионных вопросов, определению позиций держав и мотивов принятия решений сторонами.

English-Russian negotiations of 1907 regarding Afghanistan and their results are under analysis in the article. Much attention is paid to contestable items, definition of British and Russian positions and their motives in decision making.

Во второй половине XIX в. происходит переориентация внешнеполитического курса России, приоритетным направлением которого становится центрально-азиатское. Здесь империя сталкивается с сильным соперником – Великобританией. Противостояние империй не раз обострялось за последние тридцать лет XIX в., ставя стороны на грань войны. Начало XX столетия характеризуется стремлением Великобритании и России к сближению и разрешению основных противоречий в Центральной

Азии, но на этом пути им пришлось преодолеть немало трудностей. Итогом многолетнего соперничества стало подписание англо-русской конвенции 18 (31) августа 1907 г., в которой нашел решение «афганский вопрос», занимавший важное место в противостоянии империй. Следует отметить работы А. Е. Снесарева¹, И. М. Рейснера², А. Ф. Остальцевой³, в которых рассматриваются причины англо-русского сближения, процесс переговоров, анализируется соглашение. Исследованию проти-

воречий внутри держав по вопросу о внешнеполитической ориентации в начале XX в. посвящены труды И. В. Бестужева⁴, Л. Е. Кертмана⁵. В монографии А. В. Игнатьева затрагивается ход англо-русских переговоров, в частности, по вопросу об Афганистане в связи с другими аспектами русской внешней политики 1905–1907 гг.⁶ Несмотря на значительное количество работ, в отечественной исторической литературе недостаточно полно представлен процесс переговоров 1906–1907 гг., обсуждение ряда спорных пунктов по Афганистану между Лондоном и Петербургом, а также в российских правительственных и военных кругах. В основном историки акцентируют внимание на дискуссиях о политическом статусе Афганистана. Исследование документов Архива внешней политики Российской империи и воспоминаний современников дают возможность расширить круг значимых и в большей или меньшей степени спорных вопросов в процессе переговоров, определить позиции сторон и мотивы принятия решений.

В мае 1906 г. посол Великобритании в Санкт-Петербурге Артур Никольсон предложил министру иностранных дел России А. П. Извольскому начать переговоры с целью разрешения противоречий в Центральной Азии⁷. Великобритания фактически предлагала осуществить и закрепить раздел сфер влияния с Россией в регионе. Активная фаза переговоров по «афганскому вопросу» началась 11 февраля 1907 г., когда в Петербурге были получены пункты британской стороны⁸. Наиболее спорным стал вопрос об определении статуса Афганского государства. По соглашению 1872–1873 гг. Россия признала Афганистан вне сферы своего влияния, но в качестве буферного государства, разделявшего британские и российские территории в Центральной Азии⁹. По Гандамакскому договору с Якуб-ханом в 1879 г. Великобритания получила контроль над внешней политикой Афганистана, что было подтверждено

договором 1880 г. с Абдуррахман-ханом и договором Дэна 1905 г. с Хабибулла-ханом¹⁰. В планы Петербурга не входило признание британского протектората над Афганистаном, и царское правительство всячески избегало обсуждения данного вопроса, который, по его мнению, касается лишь британского правительства и эмира¹¹. Придерживаясь такой линии поведения, Петербург пользовался заявлением А. М. Горчакова о признании Афганистана вне сферы влияния России. Зиновьев указывал, что такая формулировка «обходила молчаливым вопросом о формальном согласии на британское руководство внешними сношениями эмирства и оставляла узкую лазейку, куда от времени до времени проскальзывали русские агенты»¹². В целом Россия воздерживалась от посылки своих агентов за исключением миссии Н. Г. Столетова в Кабул в 1878 г. В 1903 г. царское правительство официально заявило о возможной посылке агентов в Афганистан в будущем¹³. Теперь Великобритания ставила прямо вопрос об отказе от политических интересов Петербурга в Афганистане.

А. П. Извольский, министр финансов В. Н. Коковцов, советник русского посольства в Лондоне С. А. Поклевский-Козелл, помощник военного министра А. А. Поливанов, член совета Гособороны А. П. Протопопов считали необходимым признать Афганистан вне сферы интересов России, а его внешние сношения под британским контролем. Среди аргументов выдвигались:

- 1) отдаленность и недоступность Афганистана российскому влиянию (Коковцов);
- 2) неудовлетворительное военное положение России в Средней Азии и необходимость больших затрат для «приведения среднеазиатских сил на нужную степень боевой готовности» (Поливанов);
- 3) замкнутость Афганистана, уклоняющегося от более или менее постоянных сношений с соседними государствами (Извольский);

4) ограниченный характер сношений между Калькуттой и Кабулом и незначительная роль афганского и англо-индийского агентов в столицах (Поклевский-Козелл)¹⁴. Другого мнения придерживался Генштаб во главе с Ф. Ф. Палицыным. Последний выступал против признания полного контроля Великобритании над внешней политикой Афганистана и настаивал на сохранении за ним статуса буферного государства. Начальник Генштаба указывал на новый курс британской политики в отношении Афганистана, изложенный в плане Керзона-Китченера, по которому Великобритания рассматривала Афганистан уже не как буфер, а как передовой театр и готовила его в политическом и военно-инженерном отношении¹⁵. Палицын утверждал, что в случае англо-русских разногласий в будущем британцы могли «обрушить» афганскую силу на среднеазиатские границы России¹⁶.

Члены особого совещания были едины, высказывая опасения о том, не будет ли равносильно признание права британского контроля над международными отношениями Афганистана признанию протектората Великобритании над этой страной. После длительных консультаций и обмена мнениями было решено признать Афганистан вне сферы влияния России и под контролем Великобритании во внешней политике. Вместе с тем в текст конвенции предлагалось внести определение Афганистана в качестве буфера, а от Лондона требовались гарантии:

1) не присоединять афганскую территорию или не занимать какие-либо ее части, воздерживаться от вмешательства во внутренние дела страны;

2) не предпринимать в Афганистане никаких действий, направленных против России¹⁷.

Великобритания, оказывавшая в течение ряда лет военную помощь Афганистану, укрепляя его, стремилась сохранить страну в изоляции. Основным мотивом

было не допустить влияния третьей державы (в начале XX в. – Германии, активно проникавшей на Восток), которое могло бы способствовать усилению антибританских настроений в Афганистане. Получив консультации Лондона, Никольсон заявил, что определение «государство-буфер» в отношении Афганистана исключает его признание вне сферы русского влияния, британский контроль над его внешней политикой и допускает возможность посылки российских агентов¹⁸. Великобритания прямо заявляла о том, что не допустит какого-либо ограничения свободы своих действий в отношении Афганистана и что возможность военных действий британских войск в этом государстве должна «всегда иметься в виду» равно для защиты англо-афганских договоров и будущей конвенции¹⁹. Результатом переговоров стало устранение понятия «государство-буфер» в отношении Афганистана, обязательство России пользоваться для сношений с этой страной посредством великобританского правительства и не посылать своих агентов в Афганистан²⁰. Таким образом, Петербург отказывался от политических интересов в Афганистане. Извольский указывал, что отказ от права политических сношений с Афганистаном являлся, во-первых, чисто теоретической уступкой, так как империя никогда не имела прямых связей с этим государством, во-вторых, взамен она получала важное обязательство Великобритании – не изменять политического положения Афганистана²¹. Значимость последнего обещания была несомненна. Первоначально Лондон обязывался сохранять статус-кво Афганистана при условии исполнения эмиром договора Дэна 1905 г. В этом случае индийское правительство вполне могло сознательно вынудить эмира на нарушение договора и воспользоваться ситуацией для занятия какой-либо части афганской территории или вмешательства во внутреннее управление страны²².

Важным вопросом являлось установление прямых русско-афганских погранич-

ных контактов по делам неполитического характера. Соглашению о разделе сфер влияния 1872–1873 гг. «не было придано определенного толкования в смысле полного устранения России от афганских дел»²³. Туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман вел постоянную переписку с Шер-Али вплоть до смерти эмира в декабре 1878 г.²⁴ После взятия войсками Ф. Робертса Кабула в 1879 г. письма попали в руки британцев, и министр иностранных дел Великобритании лорд Дерби протестовал против любой переписки с афганским владельцем, а в случае необходимости – поставить об этом в известность англо-индийское правительство²⁵. В 1880 г. в связи с приходом к власти либерального кабинета, чей образ действий встречал «полное одобрение» российского правительства, Кауфману были даны инструкции воздерживаться «от посылки каких-либо секретных агентов в Афганистан и переписки с Абдурахман-ханом без предварительного согласования с министерством иностранных дел»²⁶. В целом ограничение и прекращение сношений с Афганистаном в то время не представляло для Петербурга особых неудобств, так как русские и афганские владения не соприкасались. Завоевание Ахал-Текинского и присоединение Мервского оазисов, результаты переговоров 80-х гг. XIX в. о северо-западной границе Афганского государства и, наконец, включение Бухары в 1897 г. в русскую таможенную черту привело к тесному соприкосновению владений Афганистана и Российской империи. В новых условиях Петербург полагал, что он не может относиться безучастно к событиям в приграничном государстве²⁷. Туркестанские власти в исключительных случаях входили в сношения с правителями отдельных афганских областей, отклоняя требования Великобритании вести подобные сношения через посредство британских офицеров²⁸. В 1900 г. царское правительство прямо заявило Лондону о намерении установить с Афганис-

таном непосредственные сношения по пограничным делам неполитического свойства. Отказ Петербурга от более подробного обсуждения, определения условий и способа практического осуществления русско-афганских пограничных отношений вследствие нежелания связывать себя какими-либо обязательствами перед Великобританией оставил данный вопрос открытым до 1907 г.²⁹ На особом совещании по «афганскому вопросу» Извольский сообщил, что Россия фактически уже пользуется правом пограничных сношений с Афганистаном, но «официальное признание этого права англичанами для нас существенно важно»³⁰. Между членами совещания возникли разногласия о том, следует ли точно определить пограничные власти для русско-афганских сношений. Точное определение, отмечали Поливанов и Протопопов, позволило бы избежать недоразумений в будущем. Поклевский-Козелл, наоборот, указывал, что точные формулировки могут только «связать нас и стеснить свободу действий»³¹. Британская сторона разрешила разногласия, все же предложив определить русские и афганские власти для пограничных сношений, оставляя за Россией право их назначения³². Петербург воспользовался этим и указал, что данные власти могут быть назначены как на границе, так и в приграничных территориях. Таким образом, царское правительство получало возможность назначать для сношений с Афганистаном не только приграничные власти, но и более авторитетные органы управления приграничных областей.

Не менее важным представлялся вопрос о торговле в Афганистане. Великобритания нуждалась в «жандарме» северных районов Афганистана, которым могла стать Россия, будучи заинтересована в этой стране³³. Так как царское правительство отказывалось от политических интересов в Афганистане, представлялось необходимым создать в нем интерес колониальный. Заинтересованность России формируется дек-

ларированием торгового равноправия англо-индийской и русской торговли в Афганистане³⁴. Наличие торговых интересов России в будущем могло открыть путь к признанию интересов политических. Петербург не преминул поставить вопрос о торговых агентах. При обсуждении данного пункта Извольский указывал на пограничный характер торговых отношений Афганистана и Великобритании, полагая, что она «никогда не согласится дать нам больше, чем она имеет сама»³⁵. Более того, министр иностранных дел отмечал: «Наши торговые агенты несомненно будут одновременно с тем и политическими и военными, и всегда будут вызывать подозрения англичан»³⁶. Действительно, Великобритания исключала посылку каких-либо русских агентов в Афганистан на данном этапе, соглашаясь возбудить вопрос при условии развития торговли в будущем³⁷.

Англо-русское сближение и конвенция 1907 г. вызвали различные оценки современников в России и Великобритании. В России сторонники сближения с Великобританией, выступавшие за заключение с ней соглашения, придавали конвенции в целом большое значение. Они полагали, что в новой международной обстановке вставала необходимость поступиться политическими и стратегическими интересами в Афганистане. Важную роль в заключении конвенции сыграл А. П. Извольский, сумевший привлечь на свою сторону членов совещания, П. А. Столыпина и Николая II, долго колебавшегося между союзом с Германией и Великобританией. Во многом соглашение состоялось и благодаря приходу к власти в Великобритании в 1906 г. либерального кабинета, стоявшего на позициях сближения с Россией путем разрешения спорных вопросов в Центральной Азии. Как в России, так и в Великобритании были люди, критически относившиеся к заключенному соглашению. Такая позиция, указывал С. Д. Сазонов, у одних основывалась на «неискоренимых предрассудках и прин-

ципальных соображениях», другие считали соглашение невыгодным для своей страны³⁸. Сторонники «наступательного курса» британской восточной политики, в основном служебный состав англо-индийского правительства, во главе с Д. Н. Керзоном осуждали в целом соглашение, отдававшее все, за что они боролись годами. В отношении Афганистана, был убежден Керзон, Великобритания не получала ничего нового³⁹. Некоторые государственные и военные деятели России считали признание британского контроля над внешней политикой Афганского государства и отсутствие агентов в этой стране невыгодным и «довольно опасным», так как Афганистан мог быть направлен против нас⁴⁰. Следует отметить, что такие опасения разделяло и МИД России, которое в 1909 г. в секретной телеграмме инструктировало российского генерального консула в Индии «постоянно наблюдать за точным выполнением англо-индийским правительством статей... соглашения»⁴¹. МИД указывало: «Хотя в пункте первом нашего соглашения в Афганистане мы и подтвердили, что считаем это государство находящимся вне сферы нашего влияния, тем не менее, наше непосредственное соседство с ним налагает на нас обязанность по-прежнему зорко следить за всем, что там происходит»⁴².

С одной стороны, «афганский вопрос» не получил нового решения в конвенции 1907 г., так как Россия признала Афганистан вне сферы своего влияния в 1872–1873 гг. и старалась не допускать в него своих агентов, ограничить или прекратить сношения с эмиром. Однако только в 1907 г. Россия официально отказывалась от всяких политических интересов в Афганистане. Петербург получил право пограничных сношений по вопросам неполитического характера, чего пытался добиться долгое время, и приобрел, таким образом, возможность находиться в курсе событий в Афганском государстве. Торговое равноправие с Великобританией в Афганистане, которо-

го Петербург до этого не имел, обеспечивало российское присутствие в стане. Несмотря на критику в британских правительственных и военных кругах, «афганский вопрос» в соглашении 1907 г. был решен в пользу Великобритании. Лондон добился одной из своих главных целей в отношении Афганистана – достижения полного контроля над его внешней политикой, более того, признания такового Петербургом.

Для России главным результатом являлись гарантии Великобритании, полученные А. П. Извольским взамен сделанных уступок, не препятствовать в будущем решению вопроса о турецких проливах. Нельзя не согласиться, что конвенция 1907 г. в целом решала спорные вопросы в англо-русских отношениях в Центральной Азии и являлась важным шагом в новой международной обстановке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Снесарев А. Е.* Англо-русское соглашение 1907 года. СПб., 1908.

² *Рейснер И. М.* Англо-русская конвенция 1907 года и раздел Афганистана // Красный архив. 1925. № 10. С. 54–66.

³ *Остальцева А. Ф.* Англо-русское соглашение 1907 г. Саратов, 1977.

⁴ *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1910. М., 1961.

⁵ *Кертман Л. Е.* О политических разногласиях в Англии по вопросу о сближении с царской Россией в период после революции 1905–1907 гг. // Исторический журнал. 1961. № 1. С. 113–151.

⁶ *Игнатъев А. В.* Внешняя политика России в 1905–1907. М., 1986.

⁷ Всеподданнейшая записка министра иностранных дел А. П. Извольского от 27 мая 1906 года // Гусева А.Ю. А.П. Извольский (министр иностранных дел России (1906–1910)) // Дипломатический вестник. 2001. № 10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ln.mid.ru/dip_vest.nsf

⁸ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 839. Л. 6; АВПРИ. Ф. 147 «Б». Оп. 486. Д. 232. Л. 15.

⁹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 111–123.

¹⁰ *Aitchison C. U.* A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, Relating to India and Neighbouring Countries. Vol. XIII. Calcutta, 1933. P. 240, 282–283; Автобиография Абдурахман-хана, эмира Афганистана. СПб., 1901. Т. 1. С. 266.

¹¹ АВПРИ. Ф. 147 «Б». Оп. 486. Д. 232. Л. 25.

¹² Цит. по: *Рейснер И. М.* Указ. соч. С. 56.

¹³ АВПРИ. Ф. 147 «Б». Оп. 486. Д. 232. Л. 26.

¹⁴ См. подробно: АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 839. Л. 10–11, 15.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 147 «Б». Оп. 486. Д. 232. Л. 22–23.

¹⁶ L.-Col. Napier to Sir A. Nicolson, 27 April 1907 // British documents on the origins of the war. 1898–1914. London, 1929. Vol. IV. P. 530.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 839. Л. 164; Сборник договоров России с другими государствами. С. 389.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 839. Л. 25.

¹⁹ Там же. Л. 43.

²⁰ Сборник договоров России с другими государствами. С. 389–390.

²¹ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 839. Л. 61.

²² Там же. Л. 60.

²³ АВПРИ. Ф. 147 «Б». Оп. 486. Д. 232. Л. 23.

²⁴ АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 492. Л. 163–168.

²⁵ АВПРИ. Ф. 147 «Б». Оп. 486. Д. 232. Л. 24.

²⁶ См. подробно: АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 492. Л. 11–16.

²⁷ АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 128. Л. 94.

²⁸ АВПРИ. Ф. 147 «Б». Оп. 486. Д. 232. Л. 24.

²⁹ Там же. Л. 25.

³⁰ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 839. Л. 16.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 17.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

³³ *Рейснер И. М.* Указ. соч. С. 60.

³⁴ Сборник договоров России с другими государствами. С. 390.

³⁵ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 839. Л. 17.

³⁶ Там же.

³⁷ Сборник договоров России с другими государствами. С. 390.

³⁸ *Сазонов С. Д.* Воспоминания. Мн., 2002. С. 23–24.

³⁹ *Хопкирк П.* Большая игра против России. Среднеазиатский синдром. М., 2004. С. 605.

⁴⁰ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1923. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stepanov01.narod.ru/library/witte/chapt.69.htm>; см. позицию Гродекова в кн.: *Халфин Н. А.* Провал британской агрессии в Афганистане (XIX – начало XX века). М., 1959. С. 161–162.

⁴¹ Синяя книга. СПб., 1918. С. 2.

⁴² Там же.